Е.В. Бембеев,
КИГИ РАН

ОПЫТ КВАНТИТАВНОЙ ОБРАБОТКИ «РАННЕГО» ТЕКСТА НА КАЛМЫЦКОМ ЯЗЫКЕ (НА ПРИМЕРЕ МАТЕРИАЛА НАЦИОНАЛЬНОГО КОРПУСА КАЛМЫЦКОГО ЯЗЫКА)*

**Статья подготовлена при поддержке проекта «Национальный корпус калмыцкого языка» подпрограммы фундаментальных исследований Президиума РАН «Создание и развитие корпусных ресурсов по языкам народов России» программы «Корпусная лингвистика» (2012–2014) и проекта РГНФ «Национальный корпус калмыцкого языка» (12-04-12047, тип «в»)*

В последние годы большой интерес приобретают исследования и экспликация языковых явлений с помощью методов количественной математики, так называемой квантитативной лингвистики. Одним из реальных оснований применения статистических методов в изучении языка и речи (текста) следует признать объективную присущность языку количественных признаков, т. е. квантитативных характеристик. Повторяемость (рекуррентность, периодичность) языковых, в том числе лексических единиц, их воспроизведение в различных текстах является наиболее важным условием квантификации языкового материала и применения методов количественной математики для его анализа [1; 284]. Между тем следует помнить, что квантитативный подход, упрощая языковую реальность, способен охватить лишь определенный аспект языка и речи, которые не всегда удается обнаружить в ходе качественного анализа.

Одной из важнейших задач квантитативной лингвистики является составление частотных словарей, необходимость использования которых для решения прикладных и исследовательских задач несомненна. Частотный словарь – это модель особым образом преобразованного текста, модель распределения частот употребления единиц в тексте. Как отмечает в своей работе В.А. Долинский, словарь подобного рода «…включает в себя упорядоченный список слов или других языковых единиц (словоформы, словосочетания), которые зарегистрированы составителем в обследованном им тексте, фрагменте текста или корпусе текстов и снабжены данными о частоте их употребления в тексте (речи). С его помощью можно попытаться ответить на вопросы: как много слов в языке (тексте), с какой интенсивностью они используются в речи, какие из них предпочтительнее в той или иной сфере коммуникации у того или иного автора и т. д. [1; 285].

В настоящей статье нами предпринята попытка квантитативного анализа «раннего» текста, обработка которого является пилотной в процессе создания Национального корпуса калмыцкого языка с целью выявления проблем в автоматической обработке массива текстов, написанных на «тодо бичиг», а затем транслитерированных на латиницу. Эксперимент был проведен на материале фототипического издания текста, который в 1897 г. под названием «Сказание о хождении в Тибетскую страну малодербетовского Бааза-бакши» опубликовал профессор Санкт-Петербургского университета А.М. Позднеев [2]. Данный памятник является единственным образцом из сохранившихся до настоящего времени письменных свидетельств оригинального жанра хождений в калмыцкой литературе. Язык текста «Сказания…» неразрывно связан с личностью автора, временем, местом и условиями, в которых он жил .

Прежде чем приступить к обработке данных, необходимо отметить, что анализу подвергаются не лексемы, а словоформы, обладающие реальной частотностью в языке текста. Интересно также отметить, что составители частотных словарей отмечают привычность основной словарной единицы – лексемы, а также тот факт, что при сведении словоформ в лексемы лингвисты могут использовать разные принципы, что приводит к более высокой доле субъективности в количественных показателях по лексемам по сравнению с количественными данными по словоформам. Между тем по оценке Л. Лённгрена: «…количественные языковые факты, опирающиеся только на уровень словоформ, являются более объективными и надёжными» [3; 28–29]. Таким образом, в качестве единицы описания выступает слово «от пробела до пробела» в той грамматической форме, в которой она употреблена.

Текст «Сказания…» обрабатывался в специальных лингвистических программах TLEX Corpus 5.1 и Language Explorer. В ходе обработки текста возникло несколько проблем. Например, знак долготы гласных, по традиции это двоеточие, которое ставится после гласной буквы, пришлось заменить на «¯», поскольку указанные программы ошибочно распознавали его как делиметр, т. е. разделитель (так же, как дефис или пробел).

Общий список словоформ по частоте представлен более 5 000 единицами, включая имена собственные. Каждой словоформе приписан ранг, а также указана абсолютная частота по всему тексту в целом. Ниже приведен список наиболее самых частотных словоформ, которые были употреблены в тексте более 50 раз. Таблица организована по принципу убывания общей частоты встречаемости словоформ. Дополнительными графами в этом разделе являются «относительная частица» и «часть речи». В последней приводятся название частей речи в соответствии с общепринятыми пометами, используемыми в корпусе.

Список наиболее частотных словоформ
в «Сказании о хождении в Тибетскую страну малодербетовского Бааза-бакши»

Ранг	Словоформа	Частота	Относительная частота (%)	Часть речи
1.	ene	482	2,16	PRON
2.	nige	288	1,29	NUM
3.	tere	233	1,04	PRON
4.	bide	227	1,02	PRON
5.	ügei	212	0,95	PART
6.	geži	188	0,84	V
7.	biden	185	0,83	PRON
8.	basa	176	0,79	CONJ
9.	bayinai	170	0,76	V
10.	küün	168	0,75	N
11.	tegēd	165	0,74	CONJ
12.	gene	147	0,66	V
13.	gedeg	143	0,64	V
14.	ulus	139	0,62	N
15.	yuuman	132	0,59	N
16.	qoyor	129	0,58	NUM
17.	yeke	123	0,55	ADJ
18.	bolōd	121	0,54	V
19.	čigi	109	0,49	PART
20.	yabugsan	104	0,47	V
21.	bayidag	98	0,44	V
22.	yabād	92	0,41	V
23.	düngge	91	0,41	POST
24.	ödör	89	0,40	N
25.	bolon	81	0,36	CONJ
26.	yabuži	79	0,35	V
27.	cagtu	76	0,34	N
28.	qonogson	76	0,34	V
29.	γazar	76	0,34	N
30.	γurbun	75	0,34	NUM
31.	irebe	74	0,33	V
32.	kürtele	73	0,33	POST
33.	cai	72	0,32	N
34.	kiyid	72	0,32	N
35.	žige	72	0,32	PART
36.	γazartu	71	0,32	N
37.	gegen	69	0,31	N
38.	blama	66	0,30	N
39.	bayigsan	65	0,29	V
40.	dēre	63	0,28	ADV
41.	bi	62	0,28	PRON
42.	duunai	62	0,28	N
43.	gēd	61	0,27	V
44.	sayin	61	0,27	ADJ
45.	žigen	57	0,26	PART
46.	ireži	56	0,25	V
47.	yabuqu	51	0,23	V

Анализ представленной выборки с частотой 50 и выше показывает, что наиболее употребительными словоформами является группа указательных и личных местоимений: *ene* ‘этот, эта, это’ (482), *tere* ‘тот, та, то’ (233), *bide* ‘мы’ (227), *biden* ‘мы’ (185), *bi* ‘я’ (62). Среди глагольных форм наиболее употребительными являются: *geži* ‘говорил’ (188), *bayinai* ‘есть, быть’ (170) *gene* ‘говорит’ (147), *gedeg* ‘говоря’ (143). Среди

наиболее употребительных словоформ большой процент занимают глаголы с семантикой движения, что обуславливается характером памятника, описывающего путешествие в далекую страну. Например: *yabugsan* 'ушедший' (104), *yabād* 'идя' (92), *yabuži* 'ушел' (79), *irebe* 'пришел' (74), *ireži* 'пришел' (56), *yabuqu* 'уйдет' (51). Существительные занимают свою частотную позицию, начиная с 10 ранга: *küün* 'человек' (168), *ulus* 'народ, люди' (139), *yuuman* '(свои) вещи' (132).

Принадлежность автора к религиозной деятельности, а также цель хождения – поклонение святым и буддийским реликвиям также находят отражение в частоте употребления «буддийской» лексики: *kiyid* 'монастырь' (72), *gegen* 'гегян, светлость' (69), *blama* 'лама, учитель' (66).

Кроме того, частотный словарь «ранних» текстов позволяет проводить типологические исследования между разными подъязыками (авторскими стилями) калмыцкого языка. Путем различной сортировки и группировки данных из одной и той же словарной базы можно получить алфавитный список словоформ с указанием частоты, порядок убывания частоты, общий список словоформ по частоте различные словари текста и другие статистические сведения.

Таким образом, создание подкорпуса «ранних текстов» в рамках Национального корпуса калмыцкого языка является важной и актуальной задачей. Изучение ранних текстов носит ретроспективный характер и охватывает самый широкий круг вопросов – от текстологии и диалектологии до сравнительно-исторического изучения словоформ, словосочетаний и т. д., что часто приводит в свою очередь к реконструкции ойратских и общемонгольских древностей на вербальном уровне. Нередко в ранних текстах фиксируются лексемы и целые последовательности лексем, которые не встречаются в современных данных языка. Вместе с тем в ходе анализа «раннего» текста выявлен ряд проблем, касающихся транслитерации текста с «тодо бичиг», орфографии текста, омонимии словоформ, разметки текста, использования диакритических знаков и т. д. Эти проблемы буду учтены впоследствии при обработке массива текстов на «тодо бичиг».

Литература

1. Долинский В. А. Квантитативная лингвистика в исследовании текста // Алфавит: Строение повествовательного текста. Синтагматика. Парадигматика. – Смоленск: СГПУ, 2004. С. 283–324.

2. Сказание о хождении в тибетскую страну малодербетовского Бааза-бакши / пер. и коммент. А. М. Позднеева. – СПб., 1897.

3. Лёнгрен Л. (ред.). Частотный словарь современного русского языка. – Uppsala, 1993.

***

Т.Н. Богрданова,
Калмыцкий государственный университет

ОЙРАТСКО-КАЛМЫЦКАЯ СКАЗКА НА АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ: ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДЧЕСКОЙ СТРАТЕГИИ И ТЕХНИКИ

В настоящей статье остановимся на английском переводе сборника «Сидди-кюр» в плане обсуждения переводческой стратегии и некоторых приемов перевода, что представляется актуальным в отношении текстовой коммуникации так называемых дистантных культур, а также особенностей европейских переводческих традиций в освоении «экзотического» фольклорного материала [2; 55–63].

Интерес в XIX в. к фольклору монголов в Европе во многом обусловлен их примечательной ролью в распространении индийских сказаний [7, XI]. В связи с этим и были осуществлены немецкие переводы «Сидди-кюра», наиболее популярного сборника сказок в монгольском мире, в отношении которого связь с индийским прототипом («Двадцать пять рассказов Веталы») считалась установленной. Вслед за немецкими переводами монгольско-ойратские сказки были переведены на английский язык (Рэчел Баск, 1873 г.) [8]. В плане общей характеристики немецкого перевода Б. Юльга, одного из основных источников для английского варианта, заметим, что выполненный в рамках традиции перевода, сложившейся к этому времени в Германии, он строго следует особенностям оригинала [7, XVI], [6, 130, 150]. Так, сравнительный текстуальный анализ немецкого текста с известным переводом акад. Б.Я. Владимирцова, выполненных в разное время и с различных списков, показывает, что в целом значительных разночтений между параллельными текстами нет; авторы переводов следовали по возможности более верно монгольско-ойратским письменным оригиналам, которые в данном случае, по-видимому, практически совпали. Оба перевода представляют образец научного перевода фольклорного материала, что очевидно, в частности, при их сопоставительном анализе с английским вариантом, на котором остановимся далее более подробно.

Подчеркивая сложность транспонирования столь «экзотического» материала для англоязычного читателя, несмотря на посредство другого европейского языка, в предисловии автор перевода отмечает необходимость редакции переводимых текстов. По мнению Р. Баск, калмыцкие рассказы большей частью «непривычны» для «тех, кто воспитан в христианском духе и современной культуре» и отражают мышление столь же отличное от европейского читателя, сколь далек и язык, на котором они написаны [8, vi-vii]. Эти предварительные замечания переводчика представляют, на мой взгляд, особый интерес, поскольку отражают философию перевода, весьма характерную для английской переводческой традиции в передаче фольклорных